осмысляется как судьба человека. Таким вот эквивалентом судьбы для героя «Повести» и оказывается Бес. Это утверждение тем более основательно, что в литературе XVII в. существует «Повесть о Горе-Злочастии», герой которой хотел жить, как ему «любо есть», а не как «отец говорил» и не как «мати наказывала». «Горе-Злочастие» и по своей идеологической направленности, и по сюжетному строению (ориентированному на сказочный архетип) — вещь однородная с «Повестью о Савве».[67] Недаром, конечно, она начинается рассказом о грехопадении, изгнании Адама и Евы из рая, — рассказом о том, как человек был предоставлен самому себе, но сделался данником своей судьбы.

Говоря о «фатальности в судьбе героя XVII в.», Д. С. Лихачев справедливо замечает, что «это явление новое и тесно связанное, как это ни странно ..., с освобождением личности, с ее эмансипацией от опеки рода и корпорации».[68] И далее: «В XVII в., с развитием индивидуализма, судьба человека становится его *личной* судьбой, она „индивидуализируется“».[69] Эта «*индивидуализация*» *судьбы оказывается серьезной опасностью* для социальной стабильности. Глубочайшее значение поэтому имеет упоминание Смуты в начале «Повести о Савве Грудцыне»: «Бысть убо во дни наша в лето 7114 году, егда за умножение грехов наших попусти бог на Московское государство богомерскаго отступника и еретика Гришку растригу Отрепьева похити престол Россииского государства разбоинически, а не царски. Тогда по всему Россиискому государству умножися злочестивая литва и многия пакости и разорения народам россииским на Москве и по градам творяху. И от того литовского разорения многия домы своя оставляху и из града во град бегаху» (стр. 235). Тема Смуты не просто реалистическая деталь и не только достоверная мотивировка переездов благочестивого отца Саввы (кстати, переезды Грудцына-старшего, спасающегося от Смуты, — откровенно избыточный элемент в сюжете «Повести»). Разрушение налаженного быта, всеобщая анархия, распад социальных связей — вот с чем сопоставляется в «Повести» конфликт между индивидуализмом, личными успехами Саввы и корпоративно-семейным традиционализмом. Царскую власть захватывал человек не царского, низкого происхождения. Если говорить метафорически, Смутное время вырастало из сюжета волшебной сказки.

Вот почему структура волшебной сказки (герой которой с помощью чудесных сил ломал судьбу, перебирался из своей социальной ячеи на высший уровень общественной системы) была возрождена в «Повести» в обращенном, перевернутом виде. Мировоззрение, утверждаемое сказкой, сделалось в объективном смысле[70] мишенью идеологической полемики. «Сюжет, — писал Пропп, — не возникает как прямое отражение общественного уклада. Он возникает из столкновения, из противоречий смещающих друг друга укладов».[71]

Нужно особо подчеркнуть (это пригодится в будущих рассуждениях), что «Повесть» не предлагает позитивной программы поведения героя

---

[67] *Обычное в нашем литературоведении объединение «Повести о Савве»* с повестями о Фроле Скобееве и Карпе Сутулове следует решительно отклонить. «Савва» и «Горе-Злочастие», осуждающие индивидуализм, с одной стороны, и ренессансная новеллистика, апологетизирующая его, с другой, — явления полярные по своей идеологии.

[68] Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе, стр. 306.

[69] Там же, стр. 307.

[70] *Весьма вероятно, что автор «Повести» субъективно полемизировал, как считает* Панченко, с рыцарским романом.

[71] В. Я. Пропп. Эдип в свете фольклора, стр. 141.